

MIFEMA "DEMON" IN THE STORY F.M. DOSTOEVSKY'S "THE DOUBLE"
Kuryavaya I.N.¹, Korolenko N.I.² (Russian Federation) Email:
Kuryavaya540@scientifictext.ru

¹Kuryavaya Irina Nikolaevna – PhD in Pedagogic Sciences, Teacher of Russian Language and Literature,
STATE BUDGET EDUCATIONAL ESTABLISHMENT
SCHOOL № 113;

²Korolenko Nikolay Igorevich – Bachelor of Philology,
PUSHKIN STATE RUSSIAN LANGUAGE INSTITUTE,
MOSCOW

Abstract: the purpose of this article is to analyze the myth of the "demon" in the novel by F.M. Dostoyevsky's «The Double». In addition to the above analysis, the article explores similar motives, which give the most complete picture of the mystical plan of the story, prove that when writing the story, the writer relied on the beliefs and traditions of Russian folklore.

The article considers the mystical plan and its atmosphere, taking into account the characters, the poetics of the story; the mythologized Petersburg space is analyzed, to which the author assigns an important role; The image of the double, its many forms, which he takes to replace the protagonist of the story, is explored in detail.

Keywords: double, motive, mifema, demon, devil character, character, appearance, mythological space.

МИФЕМА «БЕСА» В ПОВЕСТИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ДВОЙНИК»
Курявая И.Н.¹, Короленко Н.И.² (Российская Федерация)

¹Курявая Ирина Николаевна – кандидат педагогических наук, учитель русского языка и литературы,
Государственное бюджетное общеобразовательное учреждение
Школа № 113;

²Короленко Николай Игоревич – бакалавр филологии,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,
г. Москва

Аннотация: целью данной статьи является анализ мифемы «беса» в повести Ф.М. Достоевского «Двойник». Помимо приведенного анализа в статье исследуются схожие мотивы, которые дают наиболее полную картину мистического плана повести, доказывают, что при создании повести писатель опирался на поверья и предания русского устного народного творчества.

В статье рассматриваются мистический план и его атмосфера с учетом персонажей, поэтики повести; анализируется мифологизированное петербургское пространство, которому автор отводит немаловажную роль; подробно исследуется образ двойника, его многочисленные облики, которые он принимает, чтобы заместить главного героя повести.

Ключевые слова: двойник, мотив, мифема, бес, образ черта, герой, облик, мифологизированное пространство.

В повести «Двойник» Ф.М. Достоевского нельзя не обратить внимания на мистический план, постоянно проникающий в реальный мир. Не случайно писатель укладывает сюжет о Двойнике в тринадцать глав, тем самым обозначая мистическое присутствие черта, обращая внимание читателя на символическое число – *чертову дюжину*. Текст повести «переполнен» дьявольщиной, а мистический план проявляется не только в его общей атмосфере, но и на уровне персонажей и поэтики произведения.

Нечистая сила воплощается в образе двойника, Голядкина-младшего. В тексте произведения мы находим прямые отсылки такого плана: «... вот я вам расскажу, – то же самое случилось с моей тетушкой с матерней стороны; она тоже перед смертью себя вдвойне видела...» [5, с. 196]. Ф.М. Достоевский отчетливо связывает образ двойника с мотивом смерти – именно так, как об этом говорится в книгах собирателей суеверий русского народа: «Есть особый род видений по сказанию очевидцев, это двойники, то есть, человек видит самого себя <...> иногда видят его также другие люди, но обыкновенно видишь его только сам <...> если двойника застанешь у себя в комнате, или вообще, если он предшествует человеку, идет наперед, то это означает близкую кончину...» [4, с. 115].

Выделим мотивы, на которые писатель обращает внимание в первую очередь:

1. Двойник является перед смертью.
2. Двойника видят и жертва, и посторонние люди.
3. Застать двойника в собственной комнате или заметить идущим впереди означает близкую кончину.

Все эти мотивы Федор Михайлович вводит в свою повесть. Господин Голядкин сам убеждается в реальности своего двойника, его видят и Петрушка, и столоначальник Сеточкин, вполне осознавая экстраординарность ситуации: «...добрые люди <...> по двое никогда не бывают» [5, с. 234]; «...сходство разительное <...> можно принять одного за другого <...> это даже чудесное сходство, фантастическое...» [5, с. 195].

В повести проявляется и *мотив идущего впереди*: загадочный спутник постоянно опережает героя «на несколько шагов», и *мотив присутствия двойника в комнате*, сидящего на постели Голядкина в шинели и шляпе. Ф. М. Достоевский подчеркивает чувство страха главного героя: «Господин Голядкин хотел закричать, но не мог <...>. Волосы встали на голове его дыбом, и он присел без чувств на месте от ужаса» [5, с. 189]. Фантастическое явление двойника в пятой главе произведения предвещает скорую кончину титулярного советника: в конце первого дня он встречается со своим предвестником смерти, ему остается только три дня жизни. Писатель,строив причинно-следственные связи в соответствии с народными поверьями, достаточно точно воспроизводит мотив близкой кончины Голядкина.

Соотнесение Голядкина-младшего с дьяволом наиболее ярко отражает сцена появления двойника, которой предшествует, на первый взгляд, никак не связанный с этим событием *мотив утраты следа*: расстроенный случившимся в доме Берендеевых, Голядкин потерял на набережной Фонтанки сначала одну, а потом и другую калошу от сапог. Ф. М. Достоевский значительно дополняет этот мотив: след оставлен на снегу. Давайте сравним это с тем, что укоренилось в народных поверьях: внезапное «усыхание», неожиданную болезнь со смертельным исходом нередко связывали с колдовством на след: «Человек, подвергшийся этому чарованию, почитается от всех погибшим, недоступным ко всякому исцелению <...>. Человек сохнет, теряет с каждой минутой жизненные отправления, лишается умственных способностей и, в истощении постепенном, умирает» [6, с. 60]. И далее: «Чародеи считают лучшими следы, которые были напечатлены: на песке, пыли, грязи, росе, снеге» [6, с. 61].

Все вышесказанное дает нам право сделать следующий вывод: похищенный след, отпечатанный на снегу, предвещает трагический исход судьбы Голядкина. Продолжая говорить о мотиве утраты следа, отметим первые признаки нездоровья героя, которые он [мотив] повлек: «потекла носом кровь» [5, с. 184]. Возникает *мотив сумасшествия*: «...что же это я, с ума, что ли в самом деле сошел?» [5, с. 186]. Герой чувствует «ослабление и онемение» [5, с. 188],двигаемый «какою-то посторонней силой» [5, с. 188].

Появление двойника Ф. М. Достоевский изображает при помощи деталей, которые характеризуют мистическую атмосферу: ночь, вьюга, полночь. Ночное время, в поверьях, после полуночи и до первых петухов, считается временем активизации потусторонних сил: «Ночь – время разгула потусторонних сил, губительных для рода человеческого. Особенно неистовствует нечисть в осеннее и зимнее время. А полночь всегда страшна...» [3, с. 201]. Писатель рисует следующую картину ночного пейзажа: «...снег, дождь <...> вьюга и хмара под петербургским ноябрьским небом, разом, вдруг атаковали и без того убитого несчастьями господина Голядкина» [5, с. 183]. Символический подтекст пейзажа создается благодаря тонкому сочетанию мотивов снега, дождя, вьюги и хмары с мотивом врагов главного героя. Здесь отчетливо вырисовывается образ черта, который, согласно поверьям, может насыпать непогоду, метель: «Черты могут также насыпать непогоду, метель, сами превращаются в вихрь, срывающий крыши, приносящий болезни...» [7, с. 318].

Мифологизированное петербургское пространство напоминает ледяной ад, открывшаяся бездна стремится поглотить героя: «...земля под ним обрывается, уж покачнулась, уж двинулась, в последний раз колышется, падает, увлекает его в бездну...» [5, с. 187]. Место действия тоже неслучайно – набережная реки Фонтанки, Измайловский мост. В русском фольклоре река и мост символизируют границу между реальным и потусторонним миром: «Она [река] осмысливается как дорога в иной мир <...> символизирует также течение времени, вечность и забвение» [3, с. 119]; «Мост — в народной традиции соединяет этот и "тот свет"...» [7, с. 326]. Таким образом, Голядкин показан пересекающим границу этого мира, он стоит у предельной черты бытия.

Как проводник, особый знак дьявольской преисподней, появляется «какая-то затерянная собачонка» [5, с. 188]. Ф. М. Достоевский опирался здесь на народные поверья, согласно которым собака – оборотень, черт. Важно отметить и то, где появляется таинственный незнакомец: с Невского проспекта Голядкин повернул на Литейную и был уверен, что с ним «совершится дорогой еще что-то недоброе <...> какая-нибудь неприятность» [5, с. 187]. И далее: «Наконец, он увидел своего незнакомца на повороте в Итальянскую улицу» [5, с. 188]. Из фольклора известно, что черты «водятся на перекрестках дорог и там причиняют людям <...> всякие несчастные случаи» [7, с. 319]. Федор Михайлович дважды указывает на перекресток дорог/улиц: Невского и Литейного; Литейной и Итальянской. Таким образом, выявляется соотнесенность образа двойника Голядкина с чертом.

Писатель использует еще одно верование русского народа: *бес легок на помине*. В подтверждении этому отметим, что Голядкин постоянно упоминает черта: «Черт возьми, экая мука какая!» [5, с. 201]; «Черт бы побрал все это!» [5, с. 224]; «Эк ведь черты заварили кашу какую!» [5, с. 224]. Из этого можно

сделать следующий вывод: появление черта готовится задолго до пятой главы и призывает его сам герой. Ведь слово обозначает не только сущность явлений, их предметное воплощение, но и обладает магическим действием.

Разбирая образ двойника следует подчеркнуть вереницу обликов, которые он принимает для достижения своей главной цели – замещения главного героя: (1) прохожий → (2) незнакомец → (3) странник → (4) пес → (5) однофамилец главного героя → (6) титулярный советник. Бес, входя в чужой облик, проходит шесть стадий перевоплощения, искусно пользуется приемами маскировки и играет роли, свойственные бесовской натуре: сначала, **бедный, забитый чиновник**: «...гость был в крайнем, по-видимому, замешательстве, очень робел, покорно следил за всеми движениями своего хозяина, ловил его взгляды <...>, старался угадать его мысли. Что-то униженное, забитое и запуганное выразилось во всех жестах его...» [5, с. 201], потом – **чиновник по особым поручениям**: «Позвольте спросить вас <...> в чьем присутствии вы так объясняетесь, перед кем стоите, в чьем кабинете находитесь?..» [5, с. 279]. С помощью этого писатель показывает еще одну способность бесов – способность к перевоплощению.

Литературовед, теоретик и историк русской литературы Валентина Евгеньевна Ветловская в своей книге «Русская литература и фольклор» высказывает следующее интересное наблюдение: «При всей схожести господ Голядкиных, одна деталь в облике Голядкина-младшего принадлежит исключительно ему и отличает его от оригинала – его странная "ножка"...» [2, с. 44]. Двойник, по намеку автора, хром. В этом проявляется еще одна схожесть с чертом: коротенькая ножка похожа на лошадиное копыто (черт подобен сатиру: «...он темен, рогат, хвостат, ноги его оканчиваются копытцами» [1, с. 93]).

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что Ф.М. Достоевский осознанно и отчасти бессознательно отразил в Голядкине-младшем разносторонние грани образа черта, представленные в суевериях, легендах, преданиях русского народа. Двойник отражает сущность и меру социального зла, глубинную сущность природы человека.

Список литературы / References

1. *Аверинцев С.С.* Собрание сочинений. София-Логос. Словарь. К.: Дух и литера, 2006. 912 с.
2. *Ветловская В.Е.* Ф.М. Достоевский // Русская литература и фольклор (Вторая половина XIX века), 1982. С. 12–75.
3. *Грушко Е.А., Медведев Ю.М.* Словарь славянской мифологии. М.: Русский купец, 1995. 368 с.
4. *Даль В.И.* О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. М.: Аргументы недели, 2015. 208 с.
5. *Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений в 15 томах. [Электронный ресурс], 1998. Режим доступа: <http://rvb.ru/dostoevski/01text/vol1/02.htm/> (дата обращения: 08.10.2017).
6. *Сахаров И.П.* Сказания русского народа. М.: Директ-Медиа, 2015. 800 с.
7. *Топорков А.Л.* Славянская мифология. М.: Прогресс, 2012. 756 с.